

Буйная осень Люксембургского парка, перешеголяв своими красками отцветающие, бледноватые и пыльные, но все еще ароматные розарии, подмешала к их запаху нотки прелой листвы и раннего утреннего морозца. Пожелтевшие листья клена живописно кружились в воздухе, падая на одинокие столики кафе и изящные скамейки. Дождливая свежесть серого камня королевского дворца словно шептала о вечности своей незабвенной красоты.

Казалось, Виктор и Вильям, уютно усевшиеся на креслице у фонтана, как и все остальные посетители Люксембургского сада, решили немного погреться на солнце, отдохнуть, вдыхая аромат свежего парижского утра, а потом прогуляться по роскошному саду, который в утренние часы просто великолепен. На самом же деле Виктор и Вильям просто безумно устали от ходьбы и голода, и поэтому им было не до прогулок, ведь со вчерашнего дня они ничего не ели. Здесь можно было перекусить в роскошном летнем кафе с ажурными коваными столиками, утопающими в кленовых звездах. Каждое утро тут пекли восхитительные круассаны, похожие на пышные мягкие облака, и багеты, буквально тающие во рту. Однако в этом парке только благоухающий воздух был бесплатным. А у Виктора и Вильяма карманы были пусты.

Вильям не был Шекспиром, а фамилия Виктора была вовсе не Гюго, чтобы из уважения к ним не требовали денег. У них не было ничего общего с великими гениями, но оба наизусть знали сонеты Шекспира. Иногда они декламировали их друг другу, проверяя память.

Порой друзья уходили в иллюзорную реальность. Виктору казалось, что он автор знаменитого романа «Собор Парижской Богоматери», а Вильям видел в себе Шекспира. В знак признания они пожимали друг другу руки, давали дельные советы.

А если бы и в самом деле Шекспир и Гюго жили в современную эпоху, какова была бы их участь? Интересно, они бы также, как эти два глупца, нищенствовали?!

Вильям был уроженцем одного из городов Флориды — Порта Шарлотты. Как и Виктору, ему было около шестидесяти лет. Долго рассказывать, как он попал во Францию. Он не любил говорить на эту тему. Он был дантистом. Кажется, однажды, когда он удалял зуб одной высокопоставленной особе, по неосторожности или преднамеренно он подхватил неизлечимую болезнь. Чтобы не заразить своих родных, он навсегда покинул свой дом. Виктор же, наоборот, с большим удовольствием расска-

зывал о своей красивой прошлой жизни. Но в какой-то момент, когда он осознал ужас своего нынешнего положения, он мгновенно замолкал.

Жена Виктора скончалась десять лет тому назад. Он жил вместе с сыном. Однажды сын дал ему пощечину, и Виктор сгоряча выпалил: «У меня больше нет сына!» С тех пор он ушел из дома, куда больше не возвратился. То, что его взрослый сын, которого он вырастил и воспитал, смотрел до глубокой ночи порнографические сайты в Интернете, а по телевизору странные передачи с помощью параболической антенны, для отца, придававшего огромное значение национальным обычаям и следовавшего традициям, становилось невыносимым. В оскверненный таким образом дом Виктор не мог больше вернуться. Оставив все нажитое за долгие годы вместе с женой, занимавшей высокий пост: трехкомнатную квартиру в центре города, дорогую автомашину, а самое главное, очень ценную коллекцию книг, он предпочел скитаться по свету.

Вытянув ноги и картинно сложив на груди руки, друзья откинулись на спинки кресел. И теперь они, закрыв глаза, повернулись лицом к небесам и закрыли усталые веки, словно прося в безмолвной молитве у Господа кусок мяса или хлеба, который стал бы для них счастьем. Им казалось, что Господь не слышит их нехитрых молитв.

В парке неподалеку от кафе располагались теннисные корты. На них носилась молодая пара, которая, не так давно соединив свои судьбы, была занята забавной игрой, с азартом стремясь к победе над супругом любой ценой. Их пятилетний толстенный сын с кудрявыми волосами и сэндвичем в руках гулял с бабушкой в парке. Его маленькое личико лоснилось, словно булочка в сэндвиче. Казалось, что крохотные глазки и носик утонули в мясистых и румяных щеках.

Проходя мимо фонтана, малыш вдруг споткнулся и упал. Звонкий рев навзрыд звучной сиреной огласил окрестные красоты. С соседнего клена сорвалась испуганная стая грачей и, подняв возмущенный гвалт, закружилась в воздухе. Виктор и Вильям открыли глаза. Но голод не позволил им перебороть себя и подняться, чтобы помочь ребенку встать. Уставившись на ароматный сэндвич в руках карапуза, они молча таращились на него во все глаза.

На вой сирены отреагировали и играющие родители. Мать, обернувшись на крик, пропустила удар, и под громкие торжествующие вопли отца, мяч, подпрыгивая на ходу, покатился в угол корта. Бабушка помчалась на звук мгновенно и с такой скоростью, словно его издавал не ее откормленный сородич, а пожарная машина, приехавшая тушить горящий жилой квартал.

Когда бабушка поднимала ребенка, два больших куска мяса из сэндвича Патрика упали на едва тронутую желтизной траву. Бабушка, стряхнув с одежды мальчугана налипший мусор, повела ребенка к родителям. Виктор и Вильям проводили жадными взглядами удаляющийся сэндвич, затем огляделись вокруг и переглянулись. Отбивные на траве манили их, как в дешевой рекламе: «Заберите нас с травы, придавите своими зубами, овладейте нами! Сегодня, вырвавшись из ада кипящего масла на огромной сковороде, мы нашли успокоение, попав в объятия теплого хлеба, укрытого листом чуть влажного хрустящего салата. Но это лишь временное облегчение, ведь так варварски нас лишили уютного местечка, выбросив на мокрую осеннюю траву, словно это достойный финал наших мучений! Спасите же нас, смойте обильной слюной пятно пренебрежения и позора с наших подрумяненных бочков!»

Виктор и Вильям прекрасно понимали друг друга без слов. В мире иллюзий, где они вдвоем спасались от голода, витиеватые словесные баталии давно уже приучили друзей понимать друг друга с полувзгляда. Вильям, бросая на друга сердитый взгляд, казалось, хотел сказать: «Извольте, сударь?» А Виктор, едва заметно пожав плечами, будто ответил: «Как можно, дорогой друг? Не смею прикоснуться к нему прежде вас,

жившего и творившего раньше меня на пару веков!». «Ах, оставьте, Виктор, давать дорогу молодежи — наш священный долг!» — благосклонно и едва заметно кивнул старший. «Извольте, милостивый государь, рассудить со всем вниманием, каково будет поднять Виктору Гюго с земли что-то перед таким количеством соотечественников, не уронив своего достоинства?» — легкая тень брезгливости пробежала по лицу младшего. «Где слабеет дружба, там усиливается церемонная вежливость! Теперь я понимаю, за что меня причислили к гениям! Прошли столетия, а как свежа эта мысль! Быть может, станем титулами и знатностью мериться? Извольте...»

Увлечшись беседой, писатели не заметили, что в реальном мире с восточной стороны парка приближался шоколадный с золотистыми подпалинами бульдог. Поравнявшись с друзьями, он покрутился вокруг Виктора и Вильяма, что-то исследуя своей слюнявой мордой. Затем кусок мяса быстро исчез в его цепких челюстях, а тягучая слюна повисла из угла захлопнувшейся пасти. Через долю секунды пасть снова распахнулась, и, щелкнув, подняла с травы второй кусок. Недолго подержав его во рту, пес шумно глотнул, а затем, высунув широкий язык, стал ехидно поглядывать на этих двоих, словно на одураченных шулером, простофиль.

